

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

МО. ЛЬЕР

ТОМ ТРЛТНН

АМФТРИОН

Комедия в трех действиях

Перевод *Валерия Врюсова*

КТО ВЫСОЧЕСТВУ СВЕТЛЕЙШЕМУ ПРИНЦУ

Монсеньер!

Да не прогневаются наши умники, но, по-моему, нет ничего скучнее посвящений, и, буде на то соизволение Вашего высочества, я не стану подражать слогу этих господ и не воспользуюсь теми двумя-тремя жалкими мыслями, которые уже столько раз повторялись на все лады, что истерлись со всех сторон. Имя великого Конде — славное имя, и с ним нельзя обходиться, как с другими именами. Это блистательное имя. Следует давать лишь предметам, которые достойны его; я со своей стороны предложил бы поставить его во главе армии, а не во главе книги, и, мне кажется, это — разумное предложение; мне гораздо легче себе представить, что способно оно совершить, выступая против врагов нашего королевства, чем защищая от враждебной критики комедию.

Разумеется, монсеньер, лестное одобрение Вашего высочества служит мощной защитой этого рода произведений, и, разумеется, все убеждены не только в бесстрашии Вашего сердца и величии Вашей души, но и в просвещенности Вашего ума. Всем известно, что блеск Ваших достоинств не замкнут в пределах той неодолимой мощи, которая делает Вашими почитателями даже тех, кого она сокрушает; что эти достоинства заключают в себе самые глубокие и возвышенные познания и что Ваше суждение и Ваш приговор относительно творений человеческого духа неизменно разделяются всеми тончайшими умами. Но известно также, монсеньер, что нам ничего не стоит печатать все эти лестные одобрения, которыми мы хвалимся перед публикой, и что мы ими распоряжаемся по своему усмотрению; известно, что в посвящении автор говорит все, что ему вздумается, и что он может воспользоваться лицами наиболее высокопоставленными, чтобы украсить их великими именами первые страницы своей книги; что он волен по своему желанию приписать себе честь их уважения и создать себе покровителей, хотя они и не помышляли быть таковыми.

И же не злоупотребляю, монсеньер, ни Вашим именем, ни Вашей добротой, чтобы оспаривать строгих судей «Амфитриона» и приписывать себе славу, которой, может быть,

*не заслужил Я позволю себе поднести Вам свою комедию лишь
затем чтобы иметь случай высказать Вам, что я непрестанно
с величайшим восхищением взираю на Ваши высокие достоин-
ства кои Вы соединяете с королевской кровью, давшей Вам
жизнь, и что я, монсеньер, со всем возможным уважением и со
всей мыслимой преданностью остаюсь*

*Вашего высочества
всепокорнейший
и всеобязаннейший слуга*

Ж.-Б. П. МОЛЬЕР.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МЕРКУРИЙ.

НОЧЬ.

ЮПИТЕР —

в облике Амфитриона.

АМФИТРИОН —

предводитель фиванского войска.

АЛКМЕНА —

жена Амфитриона.

КЛЕАНТИДА —

служанка Алкмены и жена Созия.

СОЗИЙ —

слуга Амфитриона.

АРГАТИФОНТИД

НАВКРАТ

ПОЛИД

ПАВЗИКЛ

фиванские военачальники.

Действие происходит в Фивах, перед домом Амфитриона.

ПРОЛОГ

М е р к у р и й — на облаке Н о ч ь — в колеснице которую влечет
по воздуху пара коней

М е р к у р и й

Ночь пышнокудрая! Помедлите мгновенье.

Я должен вам сказать десяток слов

Есть у меня к вам порученье

От самого отца богов

Н о ч ь Вы это, господин Меркурий?

Кто угадал бы вас в такой фигуре!

М е р к у р и й

Ах, поручений мне такую кучу

Юпитер надавал, что я совсем устал

И вот тихонечко присел на эту тучу

И вас здесь ожидал

Н о ч ь

Угодно надо мной Меркурий, вам смеяться?

В усталости богам прилично ль сознаваться?

М е р к у р и й

Не из железа мы!

Н о ч ь Но должно нам всегда

Божественности сохранять дэкорум

Величие богов роняем мы, когда

Те говорим слова, которым
По низменности их
Приличней быть в устах людских.
М е р к у р и й.

Да, хорошо вам говорить!
У вас, красавица, есть колесница.
Лениво развалясь, вы гордо, как царица,
Даєте лошадям вас по небу катить.
Мне с вами не сравниться в этом!
В моем несчастье не знаю зол,
Каких бы я не пожелал поэтам!
И, право, что за произвол!
Другим богам даны же во владенье
(И этот варварский закон
Меж нас поныне соблюден)
Все способы передвиженья,
А я, как в деревнях гонец,
Пешком таскаюсь из конца в конец!
И это — я, кому достался жребий
Послом Юпитера быть на Земле и в Небе!
По совести могу сказать,
Что, разнося повсюду вести,
Я от поэтов мог бы ждать
Иного способа для путешествий!

Н о ч ь.

Поэты таковы всегда.
Все изменяют своенравно.
И глупости творить издавна
Привыкли эти господа.
Но вы сегодня их напрасно разбранили:
Поэты ноги вам ведь крыльями снабдили.
М е р к у р и й.
Да, чтоб летать скорей, а все ж
Не меньше с ними устаешь!

Н о ч ь .

Оставим это, и, в чем дело,
Скажите мне без дальних слов.

М е р к у р и й .

Вот видите ль: отец богов
От вашей мантии услуги ждет умелой.
Все дело в том, что новая любовь
Сулит ему, как прежде, приключенье.
Дивиться на его проказы нам не в новь:
Ведь часто для Земли Олимп в пренебреженье!
Вы сами знаете: все образы ему
Случалось принимать из-за красотки страстной,
Что способов он знает тьму,
Чтоб овладеть и самой неподвластной.
Теперь Алкмены взором он сражен,
И между тем как чрез равнины
Ее супруг, Амфитрион,
Ведет в Беотию фиванские дружины —
Амфитриона лик Юпитер принял сам,
И, как награду всем трудам,
Приемлет радости в объятиях супруги.
При этом оказал свои услуги
Медовый месяц молодой четы
(Они Гименом лишь на днях слиты),
И пылкой страстью новобрачной
Воспользовался он удачно.
Сегодня хитрость удалась вполне.
Но в сотне случаев, сдастся мне,
Она окажется плохой услугой:
Удастся не всегда понравиться жене,
Принявши вид ее супруга.

Н о ч ь .

Юпитеру дивлюсь, но не пойму, зачем
Выдумывает он причуду за причудой.

М е р к у р и й.

Он хочет быть поочередно всем.
Для бога он ведет себя не худо.
И как бы ни смотрел на это род людской,
Его считал бы я несчастным,
Когда б, всегда блестя короной золотой,
Он в небесах сидел торжественным и властным.
По-моему, глупей нет ничего —
Быть пленником величья своего.
Когда же сердце полно страстью,
Порой блистать и неудобно властью.
Юпитер покидать умеет свой чертог,
Сходить с высот верховной Славы
Для женщины, чей взор его мечту зажег.
Отвергнув образ величавым,
Он перед ней уже не бог.

Н о ч ь.

Пускай бы он еще с высот верховной власти
Спускался в низший мир людей
И в сердце принимал людские страсти,
Сходя до их забав и их затей!
Но только б в превращениях смелых
Держался он в людских пределах!
А то ведь мы то зрим его быком,
То лебедем, то змеем, то еще чем!
И если мы порой над ним хохочем,
Я странного не вижу в том.

М е р к у р и й.

Оставим Цензорам такие осужденья.
Им не понять, что эти превращения
Особой прелести полны.
Всегда обдуманы Юпитера решенья.
И звери, если влюблены,
Не менее людей умны.

Н о ч ь.

Оставим снова рассужденья.
Когда он хитростью проник Алкмены в дом,
Что ж надобно ему и плащ мой здесь при чем?

М е р к у р и й.

Пусть быстрый бег замедлят ваши кони,
И пусть, чтоб утолить весь пыл его страстей,
Промедлит Ночь на небосклоне,
Длиннейшей став из всех ночей.
Позволь ему вполне восторгом насладиться
И не пускай Зарю на небосклон,
С которой должен возвратиться
Герой, чье место занял он.

Н о ч ь.

Так вот какое приказанье
Юпитер передать велел!
Дают нелестное названье
Всем исполнителям подобных дел.

М е р к у р и й.

К лицу ль такие рассужденья
Вам, Ночь, богине молодой!
Постыдны эти порученья
Для черни низкой и простой.
Постыдного для высших не бывает,
Достойным делать все способность нам дана:
Водь от того, кто их свершает,
Меняют вещи имена.

Н о ч ь.

В делах подобных, без сомненья,
Вы много опытней меня,
И, чтоб исполнить повеленье,
Совет ваш принимаю я.

М е р к у р и й.

Э-э, потише вам нельзя ли,
Любезнейшая Ночь!
Кой от кого и мы слыхали,
Что от проделок вы не прочь
Хорошие дела скрывали вы повсюду
Покровом вашем нежной тьмы,
И если говорить я откровенно буду:
Друг друга оба стоим мы!

Н о ч ь.

Какие были мы, останемся такими
И наши споры прекратим.
Мы обличеньями своими
Смеяться людям поводы дадим.

М е р к у р и й .

Прощайте. Я спешу на землю с небосклона,
Меркурия я должен скинуть вид.
Юпитер исполнять велит
Мне роль слуги Амфитриона.

Н о ч ь.

Я с темной свитою, свершая приказанье,
Помедлю в небе огибать зенит.

М о р к у р и й.

Прощайте, Ночь!

Н о ч ь. Меркурий, до свиданья!

М е р к у р и й с облака спускается на землю, а Ночь проезжает
дальше на своей колеснице.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С о з и й один

С о з и й

Кто там? Мой страх все больше шаг от шагу
Я в мире господ, со всеми на земле!
 Какую надобно отвагу,
 Чтоб в поздний час бродить во мгле!
Мой господин, покрытый всякой славой,
Плохую шутку разыграл со мной!
Когда бы ближнего любил он, право,
Меня бы не послал блуждать во тьме ночной
 Чтоб рассказать жене про бой кровавый
 И возвестить, что он назад идет,
Он мог бы подождать, покуда рассветет
 О милый Созий, почему же
 Так горек жребии дней твоих?
 Да, быть слугой великих — хуже,
 Чем быть рабом людей простых
Великий требует, чтоб все в природе целой
Стремилось за его желаньями поспеть,
Дождь, ветер, буря, зной, ночная тьма, день белый —
 Он скажет — должен ты лететь
 Ты можешь двадцать лет изрядно

Со всем усердием служить, —
Довольно раз не угодить —
Тебя накажут беспощадно.
А мы, по глупости своей,
Быть подле них считаем вроде чести,
Довольны тем, что мы в глазах других
Без меры счастливы на нашем месте.
Напрасно разум к нам взывает отдохни!
Напрасно иногда то ж говорит досада, —
Над нами властвуют они
Одним лишь видом — словно так и надо! —
И мы от одного их ласкового взгляда
Готовы вновь влачить в постыдном рабстве дни.
Но вот во тьме я вижу наши стены!
Я — у себя! Мой страх прошел.
Теперь я должен как посол
Речь приготовить для Алкмены.
Подробно должен я явить ее очам
Победы день, во веки знаменитый...
Но как же сделаю я это — вот поди ты! —
Когда я не был там?
Ну, не беда! Я все — напор и отступление —
Как очевидец, опишу вполне.
Немало слышим мы рассказов про сраженья
Тех, кто держался в стороне.
Но чтоб прошла свободно сцена,
Я роль свою немедля повторю.
Вот это — комната, а мой фонарь — Алкмена,
Я как посол вхожу, и так я говорю
(Ставит на землю фонарь и обращается к нему)
«О госпожа моя! Ваш муж, мой господин
Амфитрион (прекрасное вступление!)
По-прежнему весь полн пред вами восхищенья,
Меж всех избрал меня, чтоб я один

Вам возвестил победу над врагами
И то, как жаждет он скорей увидеть вас».
«Ах, милый Созий, в этот час
Так рада я тебя увидеть с нами».
«Я этим без конца польщен,
И будут все теперь завидовать мне вдвое».
(Хорош ответ?) «Ну что Амфитрион?»
«Он чувствует себя, как все герои,
Когда их слава к подвигам стремится».
(Прекрасно! Что за выраженья!)
«Когда ж героя возвращенье
Нам душу счастьем упоит?»
«Со всей поспешностью, бесспорно,
Но медленней, чем жаждет сам того».
(Ого!) «Но расскажи нам ход войны упорной,
Его слова, дела, не скрывши ничего».
«Он меньше говорит, чем совершает,
А совершает то, что в трепете враги!»
(Откуда мысль моя все это добывает?)
«А что мятежники? Но только не солги».
«Не выдержали нашего напора,
Бежали в ужасе, едва завидя нас.
Их вождь убит, отважный Птерелас,
Взят приступом Телеб, и скоро
О наших подвигах весь мир заговорит!»
«О боги! Вот успех! Едва поверить смею.
Но расскажи точней, как нами враг разбит».
«Без лишней похвальбы, охотно, как сумею,
Подробности я боя передам.
Они довольно мне известны.
Представьте, что Телеб стоит вот там.
(Означает места на своей руке или на земле.)
Ах, это городок прелестный,
Не меньше самих Фив. А здесь течет река.

Вот здесь стояли фивские войска,
А там — враги; вот те высоты
Ряды покрыли их пехоты,
А крылья конницы видны
Нам были с правой стороны.
Свершили в честь богов мы должные обряды,
Приказы розданы, и дан условный знак
Немедля конные отряды,
Чтоб смять нас лошадьми, на нас направил враг.
Но встретила их пыл жестокая препона,
И я вам расскажу сражения весь ход.
Вот здесь был авангард, вот здесь стрелки Креона,
А здесь вот армии оплот.
Но тише... Армия смущается немного».
Мне кажется, что кто-то здесь шумит.
Слышен шум.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Созий, Меркурий

Меркурий *(не замечаемый Созием, в образе Созия
выходит из дома)*.

Принявши Созия хвастливый вид,
Мы болтуна проучим строго,
Прогоним от дверей, а то он сон смутит
Алкмены, дремлющей в объятьях бога.

Созий

Я испугался, кажется, напрасно,
Нет никого кругом
Но все же оставаться здесь опасно,
Рассказ свой довершать пойду я в дом.

Меркурий

Хитрей меня ты будешь, это ясно,
Когда успеешь в том.

С о з и й.

Однако эта ночь длинна безмерно.
Иль счет часов в пути я потерял,
Иль утро за вечер мой господин принял,
Иль белокурый Феб, подвыпивши, наверно,
Зарю проспал.

М е р к у р и й .

Как о богах с неуваженьем
Бездельник смеет говорить!
Я с настоящим наслажденьем
Его сумею проучить.
Его принявши вид, приму я имя тоже
И позабавлюсь с ним, почтенью научив.

С о з и й (*заметив Меркурия*),

Ах, я погиб! Что делать, боже?
Мой страх был справедлив.
Кто там стоит, у двери дома?
Его лицо мне незнакомо,
Но все же на беду мою
Он появился здесь, наверно.
Чтоб скрыть свой страх, я запою.

(Поет, но слова Меркурия заставляют его прекратить пение.)

М е р к у р и й .

Эй, что за негодяй здесь смеет петь так скверно?
Не захотелось ли ему
Узнать, как мой кулак работает приятно?

С о з и й.

Он музыки не любит, вероятно.

М е р к у р и й .

Теперь уж десять дней тому,
Как не случилось мне намять бока бродяге.
Я от безделия совсем могу заснуть.
Давно ищу кого-нибудь,
Чтоб волю дать моей отваге.

С о з и й

Опасен эдакий чудак!
От страха у меня душа уходит в пятки.
Но почему ж дрожу я так?
Быть может, он, как я, боится доброй схватки.
Он свой скрывает страх под речью забияк,
А сам готов удрать во все лопатки.
Да-да, пусть он меня за труса не сочтет.
Я вовсе не храбрец, но буду им казаться!
Ну, Созий, не дрожи, вперед,
Чего тебе бояться!
Вот здесь — твой дом, твой знатен господин,
А он, как ты,— один.

М е р к у р и й.

Эй, кто идет там?

С о з и й.

Я.

М е р к у р и й. Кто «я»?

С о з и й.

Я. *(В сторону.)* Будь смелее!

М е р к у р и й.

Твое занятие?

С о з и й. Живу, чтоб быть точнее.

М е р к у р и й.

Слуга иль господин?

С о з и й. Да как случится мне.

М е р к у р и й.

Куда же ты идешь?

С о з и й. Туда, куда мне надо.

М е р к у р и й.

Ответ твой нехорош.

С о з и й. Не по моей вине.

М е р к у р и й.

Меня берет досада!

Но, силой иль добром, ты все же дашь ответ:

Откуда и куда идешь чуть свет?
 Кто ты? Что делаешь?.. Иначе будет худо!

С о з и й.
 Отвечу: делаю то доброе, то нет;
 Служу — хозяину; иду — туда, оттуда.

М е р к у р и й .
 Ты не лишен ума, но все же предо мной
 Роль важную играть — напрасное старанье!
 Мне хочется для первого свиданья
 Тебе пощечину дать этою рукой.

С о з и й.
 Мне?

М е р к у р и й .
 Да, тебе! Вот, получай.
(Дает ему пощечину.)

С о з и й. Ой! Ой!
 Ты и взаправду!

М е р к у р и й. Нет, для шутки,
 Чтоб разговор свести к концу.

С о з и й.
 Как, не подумав ни минутки,
 Вы бьете прямо по лицу!

М е р к у р и й .
 Дерусь я более умело,
 А это — так, всеневный вздор.

С о з и й.
 У нас плохое вышло б дело,
 Когда б, как вы, и я был скор.

М е р к у р и й .
 Все это только между прочим;
 Тебе хотел я отдых дать.
 Потом мы громче похочем.
 Давай беседу продолжать.

С о з и й (*хочет уйти*).
Я отступаюсь.
М е р к у р и й. Ты куда же?
С о з и й.
Тебе-то что за дело в том?
М е р к у р и й.
Эй! Отвечай!
С о з и й. Да что на страже
Ты встал? Иду я в этот дом.
М е р к у р и й.
Когда хоть шаг один ступить ты пожелаешь,
Придется испытать ударов дождь тебе!
С о з и й.
Как! Ты мне, значит, запрещаешь
Войти в наш дом, к себе?
М е р к у р и й.
Как так — к себе?
С о з и й. Ну да, к себе!
М е р к у р и й. Негодный!
Вот в этот дом? Он разве твой?
С о з и й.
Амфитрион живет здесь благородный.
М е р к у р и й
Что следует из истины такой?
С о з и й.
Я у него служу.
М е р к у р и й Ты?
С о з и й. Я.
М е р к у р и й. Ты служишь?
С о з и й. Верно!
М е р к у р и й
Амфитриона ты слуга?
С о з и й. Конечно, да!

Меркурий.
 Как имя?
 Созий. Созий я!
 Меркурий. Как?
 Созий. Созий.
 Меркурий. Ну, примерно
 С тобой разделаюсь, мой милый, я тогда!
 Созий.
 За что? Что в имени моем тебе обидно?
 Меркурий.
 Да как ты смел, негодный плут,
 Назваться Созием бесстыдно?
 Созий.
 Не назывался я, а так меня зовут.
 Меркурий.
 О ложь ужасная! Бесстыдство записное!
 Ты смеешь утверждать, что Созий — это ты?
 Созий.
 На то ведь у меня и право есть прямое:
 Судили боги так с надземной высоты.
 Могу ли отрицать, что есть на самом деле,
 И как же мне не быть самим собой?
 Меркурий (*бьет его*).
 А тысяча ударов, пустомеля,—
 Награда дерзости такой.
 Созий.
 На помощь, граждане! Ах, где же справедливость?
 Меркурий.
 Ты, негодяй, еще кричать?
 Созий.
 Была бы слишком велика учтивость —
 Сносить удары и молчать.
 Меркурий.
 Тогда своей рукой...

С о з и й. Она что ж доказала?
Ну да, я побежден.
Но только потому, что храбрости лишен.
Тебе же в этом чести мало.
Скажи, какая слава в том —
Над тем торжествовать, кто робок от рожденья?
Наверное разить — скорее, униженье,
И бой вести с таким врагом
Достойно осужденья.

М е р к у р и й
Ну, отвечай теперь ты Созий или нет?

С о з и й
Могла ль твоя рука вести к метаморфозе?
Что изменилось? Я дам тебе ответ:
Я Созий был, теперь — побитый Созий.

М е р к у р и й .
Опять! Ударов сто за наглость ты получишь.

С о з и й.
Помилуй, дать передохнуть!

М е р к у р и й .
Передохнешь, когда урок заучишь.

С о з и й.
Что хочешь, выучу, а то совсем замучишь!
Неравен этот спор — я уступаю путь.

М е р к у р и й.
Ты — Созий? Отвечай мне снова!

С о з и й.
Я — то, что ты прикажешь мне.
Распоряжайся мной, я слушаюсь без слова.
Своею силой ты мой господин вполне.

М е р к у р и й.
Итак, ты Созием как будто назывался?

Созий.

Ну да, и до сих пор я это твердо знал,
Но палкой ты мне доказал,
Что я лишь ошибался.

Меркурий.

Узнай, что Созий — я, известно Фивам то;
Амфитрион вовек и не держал другого.

Созий.

Ты — Созий?

Меркурий.

Созий — я. А если скажет кто
Иное, проучу я наглеца такого!

Созий.

О боги! От себя отречься должен я
И видеть, как другой мое похитил имя?
Ну, счастлива судьба твоя,
Что смел я только за другими,
Не то б...

Меркурий.

Бормочешь ты сквозь зубы что-то там?

Созий.

О нет! Но будь так добр, позволь хотя мгновенье
Поговорить нам по душам.

Меркурий.

Что ж, говори.

Созий.

Но снисхожденье
Мне окажи и не дерись:
На перемирие на время согласись.

Меркурий.

Ну, говори. Даю я позволение.

Созий.

Как в голову тебе пришла такая дичь,
Скажи мне, чтобы вдруг назваться мною?

Будь даже Демон ты, тебе ведь не достичь,
 Чтоб не был Созий я, чтоб не был сам собою.
 Меркурий.
 Как! Ты опять?
 Созий. Помилосердствуй, стой,
 Ведь перемирие с тобой мы заключили.
 Меркурий.
 Мошенник! Негодяй! Обманщик!
 Созий. Что с тобой?
 Меня порой не так честили!
 Не очень брани я боюсь
 И на тебя нисколько не сержусь.
 Меркурий.
 Ты снова Созий?
 Созий. Да. И кем же быть мне снова?
 Меркурий.
 Я мир кончаю наш, беру назад я слово.
 Созий.
 Пусть так. Я не могу исчезнуть для тебя
 И с явною нелепицей мириться.
 Ужели можешь ты в меня вдруг превратиться
 И сделать так, чтоб я вдруг стал не я?
 Стремился ль кто-нибудь к такой безумной цели?
 И как то отрицать, что истина сама?
 Скажи: я в грезах ли, во сне ли?
 Сошел ли я с ума?
 Я ясно чувствую, что я сегодня в яви,
 Что ум мой тверд и здрав вполне.
 Меня Амфитрион послал — на то он вправе —
 Сюда, в свой дом, к своей жене!
 Я должен рассказать ей о победе славной,
 Что над врагом стяжал наш господин, наш царь.
 Не я ль в руке держу фонарь?
 И не тебя ль я встретил подле двери?

Не я ль с тобой заговорил добром?
Не ты ль, подметивши, что трус я в полной мере,
Избил меня дубьем и кулаком
И не дашь войти мне в дом?
Не ты ли надо мной натешился исправно,
Дал вдоволь мне изведать твой кулак?
Ах, к сожалению, все это слишком явно,
И было б для меня приятней, будь не так!
Так перестань над бедным насмехаться
И долг исполнить свой позволь мне в тишине.

Меркурий.

Стой! Иначе опять придется прогуляться
Мне палкой по твоей спине!
Все, в чем изволил ты признаться,
Удары исключив, относится ко мне.
Меня Амфитрион послал сюда к Алкмене,
Из гавани сюда сегодня прибыл я;
Я должен рассказать, событий не тая,
О том, что враг разбит, и полный ход сражений.
Короче говоря, я — Созий, Дава сын,
Арпага брат, умершего в Панде;
Муж Клеантиде,
Чей нрав я проклинал не раз один.
Добавлю: в Фивах раз наказан был плетями,
Хоть никому о том не говорил,
А также заклеямен публично был врагами
За то, что слишком честно жил.

Созий (*в сторону*).

Он прав. Как можно знать, не бывши мною,
Все то, что он передает?
И так я изумлен, что сам перед собою
Ему поверить я согласен в свой черед,
И правда: как стоим теперь мы с ним нос с носом,
Я вижу — у него совсем мой рост, мой вид...

Но подступлю к нему с вопросом,
Который тайну разъяснит. *(Громко.)*
Скажи мне, милый друг: из всей добычи бранной
Амфитрион себе на долю выбрал что?
М е р к у р и й.
Алмазов крупных пять; короной той венчанный,
Вождь вражеских полков блистал так, как никто.
С о з и й.
Кому ж назначил он восьмое это чудо?
М е р к у р и й.
Своей жене. Пора блистать и ей в венце.
С о з и й.
А где ж хранится он покуда?
М е р к у р и й.
Печатью запертый, лежит в его ларце.
С о з и й *(в сторону)*.
Ни слова ложного во всем его ответе,
И чувствам верить я перестаю своим.
Насильно Созием он стал сперва на свете,
Но скоро, кажется, и вправду станет им.
Но, трогая себя и жизнь припоминая,
Сдается мне, что я — все ж я.
И тщетно я ищу, где истина прямая,
Чтоб уяснить себе себя.
Спрошу его о том, чего никто не знает,
Что делал я совсем наедине.
Его вопрос такой, наверно, запугает,
И правду станет видно мне. *(Громко.)*
Скажи мне: битвы в час, укрывшись в палатке,
Что ты один проделал там?
М е р к у р и й.
От окорока я...
С о з и й. Ай-ай!

М е р к у р и й. ...отрезав без оглядки
Ломтя два-три, работу дал зубам;
Прибавил я вина, припрятанного рядом,
Дающего восторг и языку и взглядам,
И за успех всех наших дел,
Как должно, выпить я успел.

С о з и й (*в сторону*).
Что б чувства мне ни говорили,
Но им я снова побежден.
И если не был он в бутылки,
Тогда, наверно, Созий он. (*Громко.*)
Не смею спорить я: все с истиною схоже.
Ты — Созий, это я обязан подтвердить.
Но если Созий — ты, то я-то кто же?
Ведь кем-нибудь я все же должен быть!

М е р к у р и й.
Когда я более не буду Созий,
Ты можешь им, коль хочешь, стать.
Но до тех пор, поверь моей угрозе,
Тебе спокойнее об этом не мечтать.

С о з и й.
В сумятице такой я потеряю разум,
Мои глаза в вражде с моим умом.
Но чтобы с этим всем покончить разом,
Войду я просто в дом.

М е р к у р и й.
Ты, кажется, мой друг, вкус получил к ударам!

С о з и й.
О боже мой! Теперь дерется он сильнее,
И по моей спине гуляет палка с жаром!
Вернись-ка в гавань поскорей,
Пропутешествовал сюда я, видно, даром!
(*Уходит.*)

М е р к у р и й (один).

Он убежал. Ну что ж. За многое в былом
Сегодня получил удары он в замену...
Но вот Юпитер сам с безоблачным челом
Ведет влюбленную Алкмену.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Меркурий, Юпитер, Алкмена, Клеантида.

Ю п и т е р.

Алкмена милая! Нам факелов не надо.
Приятно в свете их мне ваши зреть черты,
Но должно прятаться мне от чужого взгляда,
О том, что в Фивах я, должна знать только ты.
Мою любовь к тебе томили, словно пуги,
Блеск, слава, торжество — все, что дано войной,
И я у дел моих сумел урвать минуты,
Чтоб провести хоть ночь одну с тобой!
Но этот мой порыв, подсказанный мне страстью,
Могла бы осудить сурово вся страна.
Что для тебя пожертвовал я властью,
Должна бы знать лишь ты одна.

А л к м е н а .

Амфитрион! И я твоей причастна славе,
Гремящей вокруг тебя на целый свет.
И потому я тоже вправе
Гордиться торжеством твоих побед.
Но если вижу я, что слава роковая
С тобой меня способна разлучать,
Я не могу, от скорби изнывая,
Ее не проклинять.
И кажется мне горьким наказаньем,
Что ты фиванских войск и вождь и господин.
Отрадно после битв утешиться сознанием,

Что славят все тебя... Но ведь удар один
Способен погубить все счастье, все надежды!
Мне страшен каждый слух, я от всего дрожу.
 Едва для сна закрою вежды,
 Покоя я не нахожу,
 Ужасной вести ожидаю,
 И чем утешиться — не знаю.
Пусть победителя ждет свежий лавр венца,
Пусть всюду ждет его толпы восторг гремящий —
То стоит ли любви, что наши жжет сердца,
То стоит ли тоски, мою мечту томящей?

Ю п и т е р .

Твои слова во мне воспламеняют страсть,
Я вижу, что и ты огнем любви палима,
Мне в жизни выпала счастливейшая часть —
 Дышать любовью женщины любимой!
Но есть в моей душе еще одно сомненье,
Мешающее мне быть счастливым вполне.
Алкмена! О, рассей глухое подозренье!
Скажи: твоя любовь принадлежит ведь мне?
Мне, мне лишь одному, любовнику и другу,
Ты не по долгу мне клянешься, но любя?
Ты ласки отдаешь не своему супругу.
 Но лишь тому, кто дорог для тебя?

А л к м е н а .

Однако потому, что ты — мой муж,
Я смею волю дать и страсти и желаньям,
 И не пойму я, почему ж
 Ты так смущен таким названьем!

Ю п и т е р .

Ах, пламя жаркое моей к тебе любви
Гораздо больше, чем любовь супруга!
Меня любовником ты лучше назови,
 Признай во мне возлюбленного друга.

Не понимаешь ты, что сердца буйный пыл
Во мне всегда горит огнем ревнивым,
Что даже, будучи счастливым,
Я беспокойство сохранил.
Я для тебя — твой муж и твой любовник тоже,
Но быть с тобой хочу любовником одним,
Мне это имя в сотню раз дороже,
И, как любовник, я ревнив к мечтам твоим.
Хочу, чтоб лишь ему ты сердцем отдалась;
Я не хочу, чтоб, как жена,
Была ты мне обречена,
Но чтоб любовнику в любви ты признавалась!
Не надо мне надежд, что дарит Гименей,
Не надо долга мне, что наше сердце сушит
И тайным ядом наконец разрушит
Все счастье блаженных дней!
В моих сомнениях глубоко скрыто жало,
Чего-то в счастье мне еще недостает.
Хочу, чтоб этих двух ты ясно различала
И помнила, что муж лишь честь твою блюдет.
Хочу, чтоб сердце ты всецело отдавала
Мне, как любовнику, который страсти ждет!

А л к м е н а.

Вы надо мной смеетесь, вероятно,
Так говоря, Амфитрион,
И постороннему, понятно,
Наш разговор казался бы смешон!

Ю п и т е р.

Мои слова разумнее, быть может,
Чем нынче кажутся тебе.
Но долгий отдых мой меня тревожит,
И подчиниться должен я судьбе.
Мне должно поспешить. Моя судьба слепая
Меня зовет к войскам. Прощай!

Алкмена, милая! Супруга обнимая,
Любовника не забывай!

Алкмена.

Нет, скрытое судьбой я разделять не смею:
Равно обоих я люблю душою всею!

Юпитер и Алкмена уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Меркурий, Клеантида.

Клеантида (*про себя*).

О боже! Сколько ласки страстно
Он расточал своей жене!
И как сурово, безучастно
Отнесся мой супруг ко мне!

Меркурий (*про себя*).

Теперь пускай покровы сложит
Богиня Ночь. Спешу я к ней,
И с неба звезды свеять может
Феб, разгоняя мир теней. (*Хочет уйти.*)

Клеантида.

Как! Ты меня покинуть здесь намерен?

Меркурий.

Конечно! Иначе как быть?
Своим обязанностям верен,
За господином должен я спешить.

Клеантида.

Но разве это мне не больно,
Что от меня так скоро ты бежишь?

Меркурий.

Вот важность, если поглядишь!
Друг другу надоесть успеем мы довольно.

К л е а н т и д а.
Изменник! От меня уходишь ты, как зверь!
И слова доброго не скажешь мне теперь?

М е р к у р и й .
Помилуй! Где искать прикажешь
Любезности мне в этот час?
В пятнадцать лет супружества все скажешь,
И все давным-давно досказано у нас!

К л е а н т и д а.
Бери пример с Амфитриона —
Как он с Алкменой нежен, мил!
А ты, изменник, вопреки закона,
Свой долг перед женой забыл!

М е р к у р и й .
Э-э! Они еще с любовью льнут друг к другу!
Всему исчезнуть суждено.
И то, что хорошо в любовнике, супругу
Через пятнадцать лет показывать смешно.
Представь себе, что мы, обнявшись вдруг с тобою,
Как голубки заворковали вновь!

К л е а н т и д а.
Предатель! Разве я не стою,
Чтоб кто-нибудь мне выражал любовь?

М е р к у р и й .
Я про тебя не говорю ни слова,
Но сам-то я уже довольно стар,
Чтоб унижаться до смешного.

К л е а н т и д а.
Ты стоишь ли тогда, чтоб я питала жар
К тебе как женщина, что честь блюдет примерно?

М е р к у р и й .
Ах, ты была мне слишком верной!
Не очень это я люблю.

Поменьше верности, побольше бы покою —
И я тебя благословлю.

Клеантида.

Что? Что? За честность я одних упреков стою?

Меркурий.

Мне доброта в жене всего, всего милей,
От честности же мало толку.
Шали, но только втихомолку!

Клеантида.

Теперь я знаю, кто был для тебя нужней:
Не я, а женщины, которым ложь привычна.
Они умеют за спиной мужей
Свои дела обделывать отлично!

Меркурий.

Тогда скажу я откровенно:
Дрожат лишь дураки перед худой молвой,
И мой девиз обыкновенно —
Не надо верности, но дайте мне
покой!

Клеантида.

Как! Ты бы перенес без гнева, без волнения,
Чтоб я любовника тихонько завела?

Меркурий.

Когда б ты уняла язык свой — без сомненья!
Лишь только стала бы покорна и мила.
Ах, добродетели унылой
Порок покойный мне милей!..
Но мне давно пора, друг милый,
Теперь прощай, бегу скорей! (*Уходит.*)

Клеантида (*одна*).

Сказать по правде, очень стыдно,
Что я не смею мстить за разговор такой.
Увы! Порою так обидно
Быть добродетельной женой!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А м ф и т р и о н, С о з и й.

А м ф и т р и о н .

Поги сюда, палач, поди сюда, предатель!
Я растерзать готов тебя за твой рассказ.
Чтоб поступить с тобой как следует, приятель,
Лишь доброй палки мне недостает сейчас.

С о з и й.

Когда вы так относитесь ко мне,
Я замолчу. И правда, без сомненья,
Окажется на вашей стороне.

А м ф и т р и о н .

Изменник! Хочешь ты, чтоб я в твои виденья,
В твои нелепости уверовал вполне?

С о з и й.

Вы — господин, а я — слуга. Что вам угодно,
То правдою и будет. Я молчу.

А м ф и т р и о н .

Ну, хорошо. Смирю в себе я гнев бесплодный.
Я снова твой рассказ весь выслушать хочу.
Мне должно прежде, чем прийти к Алкмене,
Распутать все узлы твоих нелепых грез.
Приди в себя, забудь мечты своих видений
И внятно отвечай на каждый мой вопрос.

С о з и й.

Еще кой-что мне непонятно,—
Позвольте, сударь, вас спросить:
На каждый ваш вопрос я вам отвечу внятно,
Но с вами должен ли я откровенным быть
Иль лгать, как принято перед особой знатной?
Мне надо ль правду говорить
Иль то, что вам приятно?

А м ф и т р и о н .

Я об одном прошу тебя —
Чтоб ты сказал всю правду без изъятья.

С о з и й.

Прекрасно. Истину любя,
На все готов вам отвечать я.

А м ф и т р и о н .

Итак, как помнишь ты, я приказал тебе...

С о з и й.

Идти. И я пошел, как в дальний край изгнания,
Укоры посылал я по пути судьбе,
И сто раз проклинал я ваше приказанье.

А м ф и т р и о н .

Что, негодяй?

С о з и й.

Вам только приказать
Довольно, сударь,— я начну сейчас же лгать.

А м ф и т р и о н .

Вот рвение свое как проявляют слуги!
Ну, дальше! Что с тобой произошло потом?

С о з и й.

Дрожал в смертельном я испуге
Пред каждой веткой и кустом.

А м ф и т р и о н .

Трус!

С о з и й.

Создавала нас — позволю я заметить —
Природа разными, мы все на свой покрой:

Один того и ждет, чтоб где опасность встретить,
А я — я дорожу собой.

А м ф и т р и о н.
Пришедши к дому...

С о з и й. Я пред самым этим входом
Урок решил повторить:
Что пред Алкменюю и перед всем народом
О ваших подвигах я буду говорить.

А м ф и т р и о н.
Потом?

С о з и й. Потом меня побили и прогнали.

А м ф и т р и о н.
Кто?

С о з и й.
Созий, «я» другой, вершитель ваших слов,
Которого к жене вы вестником послали,
Который знает все, до самых пустяков,
Об вас и обо мне, как знаю я едва ли.

А м ф и т р и о н.
Какие сказки!

С о з и й. Я ни слова не приплел.
Я ранее себя близ дома очутился,
И вот клянусь вам, что явился
Домой я раньше, чем пришел.

А м ф и т р и о н.
Что за нелепость ты лопочешь!
Ну, объясни скорее мне:
Нешумным ты казаться хочешь?
Ты нынче пьян? Или во сне?
Иль просто ты меня морочить?

С о з и й.
Нет, правду и передаю,
И нет в ней ничего смешного.

Я честный человек, и вам даю я слово,
Что верить можете вы в искренность мою.
Что Созий я один — так думал я доселе.
Но Созиев я двух нашел у нас,
И эти двое «я» быть вместе не хотели:
Один из них — в дому, другой — при вас.
«Я», тот, который здесь, устал, чуть тащит тело.
Буян и весельчак «я» тот, который там,
И у него одно лишь дело —
Искать работы кулакам.

А м ф и т р и о н .

Ну, много надобно терпенья
И много кротости, чтоб слушать всякий вздор,
Что расточает мне слуга мой без зазрения...

С о з и й.

Вот в вас опять ожесточенье.
Тогда наш кончен разговор,
Я замолчу до онеменья.

А м ф и т р и о н .

Постой. Не гневаясь, все выслушаю я,
Я обещанье дал, его готов сдержать я.
Но все ж, по совести, скажи мне: речь твоя
Имеет ли подобье верить?

С о з и й.

Нет, сударь. Правы вы. Я понимаю: всем
Должно все бредом показаться,
И в этом трудно разобраться:
Нелепо и смешно, бессмысленно совсем,
Противно чувствам. Между тем
Все было так, как я был должен вам признаться.

А м ф и т р и о н .

Лишь тот поверит, кто с ума сошел иль спит.

С о з и й.

И сам не верил я, пока не был побит.
Увидев, что нас два, сперва я рассердился,
И уж другого я лжецом хотел считать,
Но силой он себя заставил признавать,
И, что он точно «я», я скоро убедился:
Похож он на меня от пятки до виска —
Он ловок, он красив, вид гордый, благородный;
Скажу: две капли молока
Не так между собою сходны!
И будь лишь у него не так тяжка рука,
Я полюбил бы двойника!

А м ф и т р и о н .

Мое терпение изводит эта шутка!
Ответь хотя бы мне: что ж, не вошел ты в дом?

С о з и й.

Вошел? Ну, а каким путем?
И слушать не хотел я доводов рассудка,
Я строго запретил и помышлять о том.

А м ф и т р и о н .

Как так?

С о з и й. А очень просто — палкой.

Свои бока и до сих пор мне жалко.

А м ф и т р и о н .

Тебя побили?

С о з и й. Да.

А м ф и т р и о н . Кто?

С о з и й. Я.

А м ф и т р и о н. Как! Ты побил?

С о з и й.

Да, я. Не тот, который с вами,

А тот, который здесь тогда близ дома был.

А м ф и т р и о н.

Пусть небо разразит тебя за вздор громами!

С о з и й.

Ах, это все, увы, не вздор!
«Я» тот, другой, меня ловчее;
Он так же смел, как и хитер,
И это доказал он на моей же шее.
Тот дьявол «я» проворен, ловок, скор
И бьет, как и нельзя сильнее.

А м ф и т р и о н .

Довольно. Отвечай: жену ты видел?

С о з и й.

Нет.

А м ф и т р и о н .

Как? Почему?

С о з и й.

Все потому ж, конечно.

А м ф и т р и о н .

Кто ж помешал тебе, мошенник?

С о з и й.

Свой ответ

Ужели повторять я должен бесконечно?
«Я», говорю я вам, «я», кто сильнее, чем я;
«Я», здесь державшийся у двери господином;
«Я» — тот, кто отогнал себя;
«Я» — тот, кто хочет быть единым;
«Я» — тот, кто сам к себе ревнив;
«Я» — храбрый, это доказавший,
Себя, трусливого, избив;
Короче, «я», в свой дом попавший,
Себя тузивший кулаком,
С собою говоривший строго.

А м ф и т р и о н .

Ты, верно, нынче выпил много

И бредни мелешь языком.

С о з и й.

Я только воду пил — пускай меня повесят! —
Я это говорил вам, кажется, раз десять!

А м ф и т р и о н .

Тогда ты просто спал, забыв, куда идешь,
И все нелепости, что видел в сонной грезе,
Теперь, мой милый Созий,
За истину мне выдаешь.

С о з и й .

Нет, сударь, нет! Минуточки не спал я,
Не сонным к вам ведь прибежал я,
Да и теперь я не во сне.
Все было наяву, совсем не в сонной грезе,
И также наяву был «я» другой, тот Созий,
Кто палкою гулял по мне.

А м ф и т р и о н .

Довольно, замолчи и вслед за мной иди ты.
Мне надоел наш разговор.
И я с ума сошел, что слушаю час битый,
Как мой слуга городит вздор.

С о з и й .

Всегда на глупости похоже,
Что говорит простой народ,
И с умными речами то же
Всегда выходит у господ.

А м ф и т р и о н .

Войдем же в дом, пора поторопиться...
Но что? Навстречу нам идет моя жена,
Конечно, в этот миг не ждет меня она
И моему явлению удивится.

ЯВЛЕНИИ ВТОРОЕ

Т е ж е, А л к м е н а и К л е а н т и д а .

А л к м е н а *(не замечая Амфитриона)*.

Пойдем во храм и вознесем моления.
Наш, Клеантида, долг — благодарить богов,

Что муж мой завершил победой все сраженья,
Что Фивы он вознес ценой своих трудов.

(Заметив Амфитриона.)

О боги!

Амфитрион.

Небо да поможет мне
В моем дому любовь былую встретить!
Пусть ту же нежность я найду в своей жене,
С какой готов на страсть ее ответить!
Пусть этот, для меня счастливый, день
Не омрачит и маленькая тень.

Алкмена.

Как! Ты уже вернулся?

Амфитрион.

В этой встрече,
Алкмена, нежности не много вижу я.
«Как! Ты уже вернулся?» — эти речи
Являют, велика ль ко мне любовь твоя!
Казалось мне, что бесконечность
Я пробыл от тебя вдали.
Желая вместе быть, считаем мы за вечность
День, каждый час и миг, что вдалеке прошли.
Для любящих быть розно — мука,
И, будь она мала, все ж без конца разлука!

Алкмена.

Не вижу я...

Амфитрион.

Нет-нет! Дает лишь нетерпенье
Счет времени тому, кто с другом разлучен,
А вы считаете мгновенья,
Как человек, что чувств лишен.
Кто любит истинно, тревожит
Того разлуки каждый час.
Тот, кто любим, кто мил для нас,

Вернуться рано к нам не может.
Признаюсь я — прием такой
Мою любовь подвергнул испытанью.
Я ждал, что встретишься со мной
Ты с новым пылом страсти и желанья.

А л к м е н а .

А я, признаться, не пойму,
О чем ведете вы передо мною речи.
И я не знаю, почему
Вы недовольны нашей встречей.
Все то, чего вы ждете, я
Вчера же вечером вам пылко изъясляла,
Когда впервые вас здесь в доме увидала,
Когда, восторга не тая,
Как лучше выразить любовь свою, не знала.

А м ф и т р и о н .

Что? Что?

А л к м е н а .

Не я ль, на ваших же глазах,
Восторг являла вам любым своим движеньем?
Как было выразить полней, чем я, в словах,
Что счастлива жена супруга возвращеньем?

А м ф и т р и о н .

Что говорите вы?

А л к м е н а .

Еще вчера и вас
Моя любовь безмерно восхищала.
Как были вы нежны, прощаясь в ранний час!
И лишь теперь я слышу в первый раз,
Что я люблю вас слишком мало!

А м ф и т р и о н .

Не сон ли предварил мое к вам возвращенье,
Алкмена? И мое сегодня появленье
Предугадали вы во сне?

Быть может, в грезах вы меня встречали страстно
И думаете вы, что наяву напрасно
Быть нежной, как жена, ко мне?

Алкмена.

Не плотный ли туман у вас воображенье
Окутал, мой супруг, и вы, про возвращенье
Вчерашнее забыв вполне,
Забыв, как я вчера вас принимала страстно,
Теперь считаете, что наяву напрасно
Вам справедливым быть ко мне?

Амфитрион.

Туман, о коем вы твердите,
Алкмена, — как-то странен он!

Алкмена.

Как сон, который вы хотите
Мне навязать, Амфитрион!

Амфитрион.

Но только сном могу я объяснить признанья,
Что вы твердите мне едва ль не целый час.

Алкмена.

Но лишь туманом, что вам помрачил сознанье,
Возможно оправдать, что слушаю я вас.

Амфитрион.

Алкмена! Мы туман оставим.

Алкмена.

Амфитрион! Оставим сон.

Амфитрион.

Вопрос решительно поставим:
Мне кажется, что важен он.

Алкмена.

Мы тем лишь рассудительность проявим.
Я сознаюсь: мой дух смущен.

А м ф и т р и о н.
Надеетесь ли вы, что о приеме черством
Заставите забыть, принявши тон такой?

А л к м е н а.
Хотите ль вы своим притворством
Лишь посмеяться надо мной?

А м ф и т р и о н.
Алкмена! Я молю: послушайтесь рассудка —
Поговорим без лишних слов.

А л к м е н а.
Амфитрион! Прошу: довольно пустяков,
Мне надоела эта шутка.

А м ф и т р и о н.
Как вы решаетесь в глаза мне повторить,
Что раньше, чем сейчас, здесь, дома, был я с вами?

А л к м е н а.
Как! Вы готовитесь отважно отрицать,
Что вечером вчера здесь не были вы с нами?

А м ф и т р и о н.
Я с вами был вчера?

А л к м е н а. Конечно. До денницы
Вы возвратились в лагерь вновь.

А м ф и т р и о н.
О небо! У меня кипит и стынет кровь.
Услышав этот бред, ну кто не изумится?..
Эй, Созий!

С о з и й.
Нужно ей шесть зерен чемерицы:
Ее с ума свела любовь.

А м ф и т р и о н.
Алкмена! Вас во имя бога
Молю: оставим этот спор.
Подумайте о бывшем строго,
Начнем серьезный разговор.

Алкмена.

Я думаю о том, что было.
Вчерашний ваш возврат ведь видел целый дом.
Не понимаю я, что вас так изменило,
Но если нужно вам и доказательств в том
И если память вам и вправду изменила —
Скажите, от кого я, если не от вас,
О битве слышала рассказы,
В которой побежден надменный Птерелас?
И кто мне, как не вы, мог подарить алмазы,
Что он носил в последний час?
Ужель мои слова неясны и несвязны?

Амфитрион.

Постойте! Вы сказали мне:
Я отдал вам уже свой дар — венец алмазный,
Мую добычу на войне?

Алкмена.

Конечно, отдали. Не трудно
То доказать, Амфитрион.

Амфитрион.

Как вы докажете?

Алкмена.

Вот он.

Амфитрион.

Эй, Созий!

Созий. Сударь! Безрассудно

Она смеется: здесь ларец.

Амфитрион.

Печати целы.

Алкмена.

Вот венец.

Он не видение. Надеюсь, с вас довольно?

Амфитрион.

О боги! Небеса!

А л к м е н а. Итак, Амфитрион,
Смеялись надо мной вы целый час. Мне больно,
А муж мой, верю я, стыдиться принужден.

А м ф и т р и о н *(Созию)*.
Открой скорей ларец.

С о з и й *(открывает ларец)*.
Он пуст. Вот это чудо!
Иль некий маг украл венец, храня печать,
Иль сам собою он, без ног, ушел отсюда
К той, чье чело был должен украшать.

А м ф и т р и о н.
О боги! Ваша власть над миром без предела!
Но что же должен я, несчастный, ожидать
От дивного такого дела?

С о з и й.
Когда она права, так с вами то же было,
Что и со мной. У вас есть, сударь, свой двойник.

А м ф и т р и о н.
Молчи.

А л к м е н а.
Что вас так сильно изумило?
Откуда ваш испуг возник?

А м ф и т р и о н.
О небо! Все меня пугает.
Противоречит быть законам мира всем,
И честь моя дрожит пред тем,
Чего мой разум не вмещает.

А л к м е н а.
Имея доказательство в руках,
Вновь отрицаете вы ваше возвращенье?

А м ф и т р и о н.
Нет-нет, но Расскажи мне в нескольких словах,
Что делал я за это посещение.

Алкмена .

Но, спрашивая так, желаете вы, чтобы
Я вновь поверила, что было все во сне?

Амфитрион .

Простите мой вопрос, но повод есть особый
Просить, чтоб вы опять все рассказали мне.

Алкмена .

Быть может, долг вождя, заботами богатый,
Заставил вас забыть, что было в эту ночь?

Амфитрион .

Быть может, милая, права ты,
И выслушать рассказ об этом я не прочь.

Алкмена .

Рассказ не длинен. Я, едва вас увидала,
К вам побежала поскорей,
Вас обняла, поцеловала,
Сказала, как без вас скучала много дней.

Амфитрион (*в сторону*).

О, предпочел бы я, чтоб ты была скромней!

Алкмена .

Вы мне преподнесли подарок драгоценный —
Венец, что взяли вы добычею военной;
Раскрыли вы передо мной
Всю страсть свою, всю скорбь и сердца муки:
Заботы, сопряженные с войной,
Восторг быть дома вновь, томления разлуки;
Как юноша, что в первый раз влюблен,
Признались, как ко мне вы жадно порывались,
И никогда еще так нежны не казались
Признанья ваши мне, Амфитрион!

Амфитрион (*в сторону*).

Я насмерть этими словами поражен!

Алкмена.
Все эти нежности, признанья, уверенья,
Конечно, слушала я, счастья не тая,
И вам сознаюсь без смущенья,
Что тысячу услад в них обретала я.

Амфитрион.
А дальше?

Алкмена. Дальше мы мешали в разговоре
Вопросов сотни, что нас занимать могли.
За ужином вдвоем сидели мы, и вскоре,
Покончив с ужином, мы в спальню перешли.

Амфитрион.
Опять вдвоем?

Алкмена. Ну да. Могло ли быть иначе?

Амфитрион (*в сторону*).
Так вот удар, всех прочих тяжелей!
О, ревности огонь горит в душе моей!

Алкмена.
Вы покраснели вдруг. Что это значит?
Преступно разве спать с женой своей?

Амфитрион.
Не я с тобою был — вот что мне муки множит!
И тот, кто произнес, что здесь вчера я спал,
Из всех неправд, что молвить может,
Ложь величайшую сказал.

Алкмена.
Амфитрион!

Амфитрион. Изменница!

Алкмена. Вы смели...

Амфитрион.
В душе нет милости, когда задета честь!
Довольно мне узнать, что были вы в постели!

И в сердце у меня теперь одно лишь есть:
Проклятие и месть.

Алкмена.

Кому же мстить? Ваш гнев безумию подобен.
Виновна в чем пред вами честь моя?

Амфитрион.

Не знаю. Я горю, и я на все способен.
Но знай одно: вчера был здесь не я!

Алкмена.

Прочь! Вы меня отныне недостойны.
События — яснее дня,
Обманы ваши непристойны...
Как! Обвинять в неверности меня?
Быть может, ищите вы темного предлога,
Чтоб узы разорвать, что съединили нас?
Напрасно вы трудились много,
Я все решила в этот час:
Отныне каждому из нас своя дорога.

Амфитрион.

Да, после вашего признания это то,
К чему, конечно, вам приготовляться надо.
Но это — меньше! Не ведает никто,
Где свой предел найдет мой гнев, моя досада.
Я обещен, так! Всем явен мой позор;
Его любовь прикрыть старается напрасно;
Но все событие в подробностях неясно,
А видеть хочет все мой справедливый взор.
Что нынче до утра от войск не отходили
Мы, может подтвердить под клятвою ваш брат,
И я за ним иду: сумеет без усилий
Он вам глаза раскрыть на мнимый мой возврат.
Сумеет справиться мы с этой странной тайной,
До глубины весь разберем вопрос,

И горе же тому, кто вольно иль случайно
Мне оскорбление нанес!
Созий.
Я, сударь...
Амфитрион. Нет, здесь оставайся,
Не надо следовать за мной.
Клеантида.
Сударыня...
Алкмена. Не приближайся:
Мне надо нынче быть одной.
Амфитрион и Алкмена уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Созий, Клеантида.
Клеантида (*в сторону*).
Он не в своем уме! Нелепейшая ссора!
Но я уверена, что брат
Их примирить сумеет скоро.
Созий (*в сторону*),
Да, приключению мой господин не рад,
Есть от чего разгорячиться.
Но очень я боюсь, что и со мной
Случился в эту ночь такой же случай злой.
Клеантида (*в сторону*).
Пусть только он ко мне посмеет подступиться...
Но все ж до времени прикинусь я немой.
Созий (*в сторону*).
Узнать о чем-нибудь подчас бывает грустно,
Мне, право, страшно и спросить.
Не лучше ль промолчать и, притворясь искусно,
Не ведать, что могло здесь быть?
Нет-нет, не надо колебаться,

Ведь все равно мне не смолчать.
Всем людям сродно добиваться
Про то узнать,
Что было б лучше скрыть. *(Громко.)* Ну здравствуй,
Клеантида!

Клеантида.

Что это? Новая обида?
Ко мне ты смеешь подойти?

Созий.

О боги, что с тобой? Всегда сурова с вида,
Из пустяков всегда готова спор вести.

Клеантида.

Как! Что назвал ты пустяками?

Созий.

А то, что называют так
И прозой и стихами.
Я пустяком зову пустяк,
Что малым мы считаем сами,

Клеантида.

Не знаю, что мешает мне
Твой исцарапать лик бесстыжий,
Чтоб научился ты почтению к жене.

Созий.

Ого! А почему так зла ты? Расскажи же!

Клеантида.

Иль ты забыл, как ты вчера со мной
Изволил дурно обращаться?

Созий.

А как?

Клеантида. Ты дурака не строй.

Иль тоже хочешь отпираться,
Что ты вчера не приходил домой?

С о з и й.

Нет, это правда, несомненно,
Но дело в том (тут не моя вина):
Мы выпили вчера какого-то вина,
И все, что делал здесь, забыл я совершенно.

К л е а н т и д а.

Ты хочешь оправдать все то, что говорил?

С о з и й.

Нисколько, можешь мне поверить. Но, как видно,
В таком я состоянье был,
Что мог наделать дел, которых станет стыдно,
А нынче все я позабыл.

К л е а н т и д а.

Ты позабыл о том, как ты со мной прелестно
Держал себя, из гавани прибыв?

С о з и й.

Все позабыл. Но ты скажи все, что известно.
Я искренен, я справедлив,
И, если был неправ, я в том сознаюсь честно,

К л е а н т и д а,

Едва увидела, что здесь Амфитрион,
С понятным нетерпением ждала я,
Но ты ко мне пришел, угрюм и отчужден,
И, что ты мой супруг, напомнила сама я!
Тебя я обняла, как следует жене,—
Ты, отвернувши нос, подставил ухо мне.

С о з и и.

Прекрасно!

К л е а н т и д а. Как — прекрасно?

С о з и й. Объясню я

Тебе без промедленья все:
В тот день я ел чеснок и вот от поцелуя
Немного уклонил дыхание свое.

К л е а н т и д а .

Всю нежность выразить я поспешила сразу,
Но ты на все мои слова молчал как пень
И слова нежности ни разу
Не произнес за целый день.

С о з и й (*в сторону*).

Смелей!

К л е а н т и д а .

Напрасно я к тебе рвалась душою,
В ответ на страсть ты был весь холоден как лед
И до того дошел — я от тебя не скрою,—
Что лечь не захотел в одну постель со мною,
На место то, куда Гимен тебя зовет.

С о з и й.

Как! Я не лег?

К л е а н т и д а . Да нет, о подлый!

С о з и й. Правда ль это?

К л е а н т и д а .

Изменник! С места не сойти!
И это было мне трудней всего снести.
А утром, распростясь со мной еще до света,
Ты был уже в пути,
Без слова нежного, без ласки и привета.

С о з и й (*в сторону*).

Ну, Созий, *vivat!*

К л е а н т и д а . Ты хочешь,

Так подло поступив со мной!

С о з и й.

О, как доволен я собой!

К л е а н т и д а .

Ты снова надо мной смеяться хочешь?

С о з и й.

Нет, от себя не ждал я скромности такой.

Клеантида .

Признать свою вину ты только что поклялся,
И прямо мне в лицо смеешься сам теперь.

Созий.

О боги! погоди! Ведь если я смеялся,
То были у меня и поводы, поверь.
Я очень был умен, и сам того не зная,
Мне было так вчера и надо поступать.

Клеантида .

Предатель! Надо мной смеешься ты опять!

Созий.

Нет, это истина прямая.
Припомнив, как вчера я был нетрезв, сперва
Дрожал я пред твоим ответом,
Боялся, что свершил я глупость, но слова
Твои меня разубедили в этом.

Клеантида .

Чего ж боялся ты? Скажи мне: почему ж...

Созий.

Нам медики твердят, что пьяный муж
От собственной жены обязан воздержаться,
Иначе дети хилые родятся
И к жизни неспособные к тому ж!
Теперь ты видишь: не напрасно
К тебе отнесся я так безучастно.

Клеантида .

Что мне до медиков, ну их!
Что мне в их выдумках суровых!
Пусть лечат, как хотят, больных,
Но пусть не трогают здоровых.
Повсюду нос они суют,
Пустые рассуждения приводят,

Любить друг друга не дают
И сказками нас только за нос водят.

С о з и й.

Потише!

К л е а н т и д а .

Нет, все это пустяки!
Пусть пичкают они советами друг друга!
Вину и всем часам опасным вопреки
Обязан муж долг выполнять супруга.
А медики все — дураки.

С о з и й.

Хоть против них, прошу, умерь негодованье:
То люди честные, что б мир ни говорил.

К л е а н т и д а .

Оставь, пожалуйста! Напрасны все старанья,
Ты отговорками меня не убедил.
Теперь иль после, я отмстить тебе сумею
За то, что ты всегда смеешься надо мной.
Еще я посмеюсь над наглостью твоею.
Ты мне советовал неверной быть женой,
Свободу предлагал,— воспользуюсь я ею.

С о з и й.

Что?

К л е а н т и д а .

Ты мне говорил, что я, себе избрав
Другого, сделаю то, что тебе приятно.

С о з и й.

Постой! Я в этом был неправ,
Свои слова беру обратно,
А ты зато смири свой нрав.

К л е а н т и д а .

Ах, если б с нравом я моим
Могла женой быть своевольной...

С о з и й .

Постой! Немного помолчим —
Амфитрион идет и, кажется, довольный.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Юпитер.

Ю п и т е р *(про себя)*.

Вот подходящий час приблизиться к Алкмене,
В ее душе и страх и горечь истребя,
Дать сердцу испытать восторги приближений
И радость тихую любовных упоений.

(Клеантиде.)

Алкмена у себя?

К л е а н т и д а .

Взволнована, потрясена,
Она желает быть одна,
Мне запретив делить ее уединенье.

Ю п и т е р .

Ко мне такое запрещенье
Не может быть отнесено. *(Входит в дом.)*

К л е а н т и д а *(про себя)*.

Ну, кажется, с него волненье,
Как ветром, свеяло давно!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С о з и й , Клеантида.

С о з и й .

Ну, что ты скажешь, Клеантида?
Как добр наш господин! А раньше был так зол!

К л е а н т и д а .

А то, что должен слабый пол
Мужчин всех дьяволам отдать за их обиды!
Из вас и лучший стоит лишь обол.

Созий.

Ты это говоришь с печали.
Но вы с мужчинами так тесно сращены,
Что были б очень смущены,
Когда бы дьяволы нас взяли.

Клеантида.

Поверь...

Созий. Молчи. Вот оба. Не сюда ли?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Юпитер и Алкмена.

Юпитер.

Алкмена, слушайте! Нет сил
Сносить мне ваше обхожденье.

Алкмена.

Нет, с тем, меня кто оскорбил,
Быть не могу я ни мгновенья.

Юпитер.

Но сжался...

Алкмена. Прочь!

Юпитер. Но...

Алкмена. Говорю я — прочь!

Юпитер (*про себя*).

Ее печаль меня томит, а слезы — вдвое!

(*Алкмене.*)

Скажите: чем ваш гнев мне превозмочь?

Алкмена.

Оставьте вы меня в покое.

Юпитер.

Куда идете вы?

Алкмена. Туда, где вас лишь нет.

Ю п и т е р .
Но этого желать напрасно:
Всегда со мной ваш образ ясный,
За вами я пойду чрез целый свет
И с вами быть желаю ежечасно.

А л к м е н а .
А я — я буду бегать вас.

Ю п и т е р .
Ужель мое лицо ужасно?

А л к м е н а .
Да, для моих ужасно глаз!
Вы для меня чудовищны, ужасны, нестерпимы.
При вашем приближеньи я бегу;
Быть вместе с вами не могу;
Увидя вас, душа скорбит невыразимо;
Вас ненавижу, жизнь кляня,
И вам скажу: под небесами
Нет ничего ужасней для меня,
Как быть мне вместе с вами.

Ю п и т е р .
Как ваша речь сурова, холодна!

А л к м е н а .
Сурова и душа не мене!
Но чтобы выразить все, чем она полна,
Не нахожу я выражений.

Ю п и т е р .
Но что же сделала тебе моя любовь,
Чтоб вдруг твой взор во мне чудовище увидел?

А л к м е н а .
О небеса! Во мне он взволновал всю кровь —
И спрашивает, кто меня обидел?

Ю п и т е р .
Хоть раз один взгляните нежно...

А л к м е н а .

Ни видеть вас, ни слышать мне нельзя.

Ю п и т е р .

О, успокойте ваш порыв мятежный!..

Так вот она, любовь твоя,

Которая вчера казалась мне безбрежной!

А л к м е н а .

Нет более любви! Упреками ее

В моей душе вы изменили.

Нет более любви! Любовь и нежность — все

Вы в сердце у меня убили.

Их насмерть поразил ваш собственный удар,

Теперь во мне одно презренье,

Одно отчаянье, а страсти пылкой жар

Вы превратили в гнев, в ожесточенье.

Огонь любви в моей груди угас;

Уж больше не люблю я вас,

Вас буду ненавидеть до могилы.

Ю п и т е р .

Ужель в твоей любви так мало было силы?

От пустяка она могла ли умереть?

От шутки можно ли принять сей вид унылый?

И от невинных слов возможно ль так скорбеть?

А л к м е н а .

Нет, именно твой тон шуточный

Тебе простить я не могла!

Действительно, порыв ревнивый

Я легче бы перенесла.

Пусть ревность безрассудна, ложна —

В ней сила видится всегда,

И самым мудрым людям невозможно

Бороться с нею иногда.

Порыв души, пусть даже исступленный,

Обидит временно и тотчас примирит.

Любовью сильной порожденный,
Несдержанный, ожесточенный,
Он оправдание в себе самом таит.
Ревнивый гнев на все укору
Ответить может нам, что страстью он рожден.
Прощаем мы тому, который
На миг безумьем увлечен.
Но для кого казалось шуткой
Предаться ярости, храня над сердцем власть,
И с полной ясностью рассудка
Кто оскорбил любовь, и честь, и страсть,
Смеялся дерзко над любимой,—
А!.. Я того должна проклясть
И не забуду ввек обиды нестерпимой!

Ю п и т е р .

Алкмена, ты права, я пред тобой молчу;
Все то, что я свершил, преступно было.
Я защищаться не хочу
И лишь прошу: позволь, чтоб сердце говорило,
И сердцу своему позволь
Ему внимать, забывши боль.
Во всем тебе сознаюсь откровенно:
Супруг твой совершил, Алкмена, этот грех,
Супруг с тобою говорил надменно,
Любовник ни при чем в поступках тех.
Он сердцем вечно твой; оно тебя обидеть
Не может никогда, любовью полно.
И если бы ему случилось вдруг увидеть,
Что причинило скорбь тебе оно,—
Оно им было б пронзено!
Супруг нарушил долг любви и уваженья,
Что был хранить обязан он к тебе;
В нем мужа обличает поведенье,
По праву мужа все позволил он себе.

О да, виновен он! И хуже, чем измена,
Его слова — тебя он оскорбил. Его
Ты можешь презирать, Алкмена,
Не возражу я ничего.
Но на любовника не возлагай ответа
За злой и гибельный порыв,
Которым честь твоя задета.
Да будет гнев твой справедлив:
Его от мужа отделив,
Не осуждай его: не он свершил все это.
Алкмена.

Ах, эти тонкости не боле
Как слабых оправданий ряд!
Для сердца, что горит от боли,
Они не много говорят.
На эти хитрости пускались вы напрасно;
Что я обижена, мне это слишком ясно.
Мне стало в вас все ненавистно вдруг,
И слиты для меня всечасно
Любовник и супруг.
Как тем, так и другим душа моя задета,
И оба с этих пор стоят того же цвета
Навек в глазах моих.
Виновны оба, да! И требую ответа
Совместного от них двоих.

Юпитер.
Ну что же, если ты решила,
Я все слова беру назад.
Конечно, ты права. Меня ты осудила,
И сознаюся я, что тяжко виноват.
Ты справедливое явила мне презренье,
И ненависть, что ты здесь выразила мне,
Тягчит мое законное мученье.
Конечно, ты права вполне —

Тебя страшит мое явленье,
И ты не в силах быть со мной наедине.
Я для тебя предмет ужасный,
Ты мне должна желать всех бед.
Тому, кто оскорбил твой взор прекрасный,
Достойных наказаний нет.
Меня казнить должны как люди, так и боги.
Заслуживаю я за эту меру зла,
Чтоб, бросив на меня взгляд беспощадно строгий,
Меня ты гневно прокляла.
Но все ж, с тревогой неизбежной,
Став на колени, я простить тебя молю:
Прости меня во имя страсти нежной,
Во имя нежности безбрежной,
С которой я тебя люблю!
Но если тщетно я к Алкмене
Взываю: «Пощади, ответь!» —
Мне, чтобы цепь моих мучений,
Которых нету сил терпеть,
Прервать в их непрерывной смене,
Одно осталось — умереть.
Да, вокруг меня лишь безнадежность.
Алкмена! Этой речи верь:
Я, потеряв навек твою любовь и нежность
И осужден тобой, жить не могу теперь.
Уже я чувствую: тоска глухая
Вкруг сердца моего свершает свой полет;
Его смертельно поражая,
Как коршун яростно клюет.
Алкмена! Лишь скажи, лишь откажи в надежде!
Когда не будет вновь того, что было прежде,
Вот этот меч, едва успеешь ты вздохнуть,
Пронзит безжалостно перед тобой мне грудь,
То сердце, что удар подобный заслужило

За то, что нанесло оно обиду милой!
И счастлив буду я, сходя в глухую сень,
Что смертью, может быть, я заслужил прощенье
И что в твоей душе оставит этот день
 Не гнев и не презренье,
А память про любовь и про мое мученье,—
И счастье в том найдет моя немая тень.

Алкмена.

 Как ты жесток со мной!

Юпитер. Алкмена, жду решения!

Алкмена.

 Ужель к тебе любовь я сохранить должна,
 Когда была тобой я так оскорблена?

Юпитер.

 Возможно ль гнев хранить, когда с любовью страстной
 Свое раскаянье возлюбленный несет?

Алкмена.

 Кто любит искренне, скорей умрет безгласно,
 Чем той, кем он любим, обиду нанесет.

Юпитер.

 Чем больше любим мы, тем нас трудней обидеть...

Алкмена.

 Не говори со мной, ты ненавистен мне.

Юпитер.

 Все ж ненавистен я?

Алкмена. Стараюсь ненавидеть,

 И стыдно, что еще храню я в глубине
 Моей души к тебе какое-то влечение
 Сильнее всех твоих обид.

Юпитер.

 Тогда произнеси решение —

И за тебя мой меч тотчас же отомстит.
Лишь слово — и я сам твоё исполню мщенье.
А л к м е н а.
В ком ненависти нет, того смерть не прельстит.
Ю п и т е р.
А я жить не могу, пока ты так сурова,
Пока твой взор угрюм и строг,
Пока прощенья мне ты не дала, и снова
Молю тебя, у твоих ног.
Произнеси решение строго:
Я должен умереть иль жить?
А л к м е н а.
Увы, как трудно мне решить!
Боюсь сказать я слишком много.
Хотелось бы тебя отвергнуть мне в ответ,
Но, что с моей душой, не знаю.
Сказать, что ненависти нет,
Не значит ли сказать — прощаю?
Ю п и т е р.
Алкмена! Как полна теперь моя судьба...
А л к м е н а.
Оставь меня! Стыжусь, что я была слаба.
Ю п и т е р.
Эй, Созий, в путь иди проворно!
Душа моя горит восторгом в этот час,
Ищи моих друзей из войска и покорно
Проси обедать их у нас.
(*В сторону.*)
Лишь только здесь его не будет,
Предстать Меркурий не забудет.
Ю п и т е р и А л к м е н а уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Созий, Клеантида.

Созий.

Их нежность, их любовь ты видишь, Клеантида?

Ты подражать не хочешь им?

Сочтем, что навсегда забыта та обида,

И мир меж нами заключим.

Клеантида.

Не ради ль твоего приветливого вида?

Созий.

Так ты не хочешь?

Клеантида.

Нет...

Созий.

Ну, бог с тобой.

Тем хуже для тебя.

Клеантида.

Постой, вернись обратно!

Созий.

Нет, извини, могу и я порой

Быть в гневе, если мне кой-что не так приятно.

Клеантида.

Изменник, уходи! Но ах, невероятно!..

Как тяжело иногда быть доброю женой!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Амфитрион один.

Амфитрион.

Должно быть, от меня он скрыт судьбою черной!
Я выбился из сил, по всем концам бродя.
Не знаю участи ужасней, чем моя:
Я не могу найти, кого ищу упорно,
А кто не нужен мне, всех тех встречаю я.
Толпа несносная, меня едва лишь зная,
Победу войск моих в восторге прославляя,
Не ведая того, приводит в гнев меня.
Мне сердце тяготят заботы и волненья,
И их объятия и все их поздравленья
Мне сбросить хочется, как лишний груз, кляня.
Напрасно я стараюсь мимо
Пройти, избавиться от них,
Их дружба тяжкая все льнет неутомимо.
Благодаря кивком за пыл приветствий их,
Как проклиная я поклонников своих!
О, мало нам дают и почести и слава —
Все, чем победы день дарит так щедро нас,—

Когда горит душа под язвою кровавой
Все эти почести я б отдал, право,
Хоть за один спокойный час!
Нет, ревность не устанет числить
Ряды моих ужасных бед.
Чем больше я стараюсь мыслить,
Тем в черном хаосе трудней найти ответ.
Пусть диадемы нет — я не дивлюсь покраже:
Украсть сумеет вор и сохранив печать,
Но страшно мне, что здесь не кто другой, а я же
Вчера просил жену подарок мой принять.
Что сходство странное бывает, то не ложно,
И пользуются им обманщики порой,
Но все ж, мне кажется, почти что невозможно,
Чтоб муж не узнан был женой:
По малым признакам, по черточке ничтожной
Она тотчас поймет, что перед ней другой.
А что о волшебствах и чарах
(О чем так много говорят),
То это сказки женщин старых,
И их с безумием всегда я ставил в ряд.
Со стороны судьбы то было б странной мезью,
Когда б я после всех побед,
Своей пожертвовавши честью,
Поверил в этот дикий бред.
С ней вновь поговорю, подумаю над тайной:
Быть может, было все лишь сон случайный,
Мечта, которой жизнь ее болезнь дала.
О боги, к вам я обращаюсь!
Пусть в этом я не ошибаюсь,
Пусть, к счастью моему, она с ума сошла!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Амфитрион, Меркурий на балконе дома Амфитриона.

Меркурий (*про себя*).

Здесь радостей мне не дает любовь,—

Иного поищу себе веселья;

Чтоб чем-нибудь занять свое безделье,

В Амфитрионе я взволную гневом кровь.

Что ж! Бога, может быть, и недостойно это,

Но мы достоинство оставим в стороне;

Уж такова моя планета,

Что все лукавства милы мне.

Амфитрион.

С чего вы вздумали дверь запереть так рано?

Меркурий.

Эй, тише! Кто стучит?

Амфитрион. Я.

Меркурий. Кто же — я?

Амфитрион.

Открой!

Меркурий.

Как так — открой? Сначала без обмана

Мне отвечай, кто ты, что за судьба твоя.

Амфитрион.

Меня ли не узнал ты сразу?

Меркурий.

И не намерен узнавать.

Амфитрион.

Весь мир сошел с ума, вот странная зараза!

Эй, Созий! Созий! Долго ль звать?

Меркурий.

Ну да, я Созий, это верно.

Чтоб имя помнил я, его ты мне твердишь?

А м ф и т р и о н .
Ты видишь ли меня?

М е р к у р и й . Прекрасно. Но безмерно
Зачем ты у дверей шумишь?
Чего тебе, ответь мне, надо?

А м ф и т р и о н .
Чего мне надо? Ах, злодей!

М е р к у р и й .
Ну так чего тебе не надо?
Ответь, да только поскорей!

А м ф и т р и о н .
Ну, негодяй, не будет жалко
Мне поиграть с твоей спиной,
И научу тебя я палкой,
Как разговаривать со мной!

М е р к у р и й .
Послушай: если ты не прекратишь стучаться,
Я вытолкать тебя сумею — я не слаб.

А м ф и т р и о н .
О небо! Видано ль, чтоб смел так обращаться
С хозяином своим его слуга и раб?

М е р к у р и й .
Да что с тобой? Ты мог вполне налюбоваться,
Ты, кажется, меня довольно осмотрел.
Таращит он глаза, не знает, как приняться...
Когда б глаза могли кусаться,
Меня бы он, наверно, съел.

А м ф и т р и о н .
Дрожу при мысли я, что ты подготовляешь
Сам для себя в безумии своем!
Грозу ударов сам ты над собой собираешь,
И на спину твою они падут дождем.

Меркурий .
Коль не уйдешь ты сам, то явится причина,
Чтоб было суждено узнать пинки тебе.

Амфитрион .
Ты скоро, негодяй, узнаешь на себе,
Позволено ль слуге встречать так господина!

Меркурий .
Как! Ты — мой господин?

Амфитрион . Ну да! Глаза открой.

Меркурий .
Мой господин один: служу Амфитриону.

Амфитрион .
Но тот Амфитрион — ведь я, никто другой!

Меркурий .
Амфитрион?

Амфитрион . Ну, да!

Меркурий . Не по закону
Ты нынче напился,— скажи, в корчме какой?

Амфитрион .
Как! Ты опять?

Меркурий . Скажи: вино ты пил какое?

Амфитрион .
О боги!

Меркурий .
Новое иль старое?

Амфитрион . Бог мой!

Меркурий .
От нового мутится ум, коль вдвое
Его не разбавляли вы водой.

Амфитрион .
Ему язык я вырву за измену!

Меркурий .

Тебе совет могу я дать,

Приятель, ты его оценишь цену.

Я сам люблю вино: иди, ложись в кровать,

И пусть Амфитрион ласкает здесь Алкмену.

Амфитрион .

Как? Что? Амфитрион? Он здесь?

Меркурий . Конечно, да.

Увитый лаврами победы беспримерной,

Он после долгого труда

Вкушает радости вблизи супруги верной.

Размолвку грустную сменило примиренье,

Влюбленной их четы и в мире не найти.

Нарушить берегись ты их уединенье,

Когда не хочешь понести

За дерзость должное отмщенье.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Амфитрион один.

Амфитрион .

Какой сейчас удар он в сердце мне нанес!

Что за смятение в меня вселил глубоко?

И если правда все, что дерзкий произнес,—

Моя любовь и честь поруганы жестоко.

Куда теперь я кину смутный взор?

Что лучше — знать иль нет, сам ведаю навряд ли...

В моем отчаянье открыть ли всем, скрывать ли

Мне дома моего позор?

Безумец! Ясно все — колеблешься чего ты?

Тут думать нечего, когда задета честь:

Отныне все мои заботы

Должно одно наполнить — мечь!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Амфитрион, Созий, Навкрат, Полид.

Созий.

Исполнил, сударь, я, что было вам угодно,
И этих вот господ привел в ваш дом с собой.

Амфитрион.

А, это ты?

Созий. Да, я...

Амфитрион. Предатель, плут негодный...

Созий.

Что?

Амфитрион.

Научу тебя, как говорить со мной.

Созий.

Что с вами? Да за что?

Амфитрион. Чему же тут дивиться?

Созий.

Что ж, господа, из вас не вступится никто?

Навкрат.

Постойте хоть на миг!

Созий.

В чем мог я провиниться?

Амфитрион.

Еще он спрашивать — за что!

(Навкрату и Полиду.)

Оставьте! Предо мной он слишком, слишком грешен!

Созий.

И вору говорят, за что же он повешен.

Навкрат.

Но в чем он виноват, скажите нам теперь!

Созий.

Ах, господа, не выдавайте!

А м ф и т р и о н .

Угодно вам узнать — узнайте!
Он предо мной захлопнул дверь,
Потом, мешая брань к угрозе,
Мне дерзостей наговорил.

А, негодяй!

С о з и й. Я мертв.

Н а в к р а т. Сдержите гнев! Что, Созий?

С о з и й.

Ах, господа...

П о л и д. Ну что?

С о з и й. Меня он не убил?

А м ф и т р и о н .

Нет, понести он должен наказание
За те слова, что смел он бросить мне.

С о з и й.

По вашему же приказанью
Все время я ходил от дома в стороне.
Вот эти господа — свидетели, что вами
Я послан был, чтоб звать к вам в дом их на обед.

Н а в к р а т.

Да, правда, и теперь все время был он с нами,
Неправды тут и слова нет.

А м ф и т р и о н .

Кто приказал тебе позвать их отобедать?

С о з и й.

Вы.

А м ф и т р и о н .

А когда?

С о з и й. Когда, придя домой

Супругу бедную проведать,
С ней примирившись, вы в восторг пришли душой.

А м ф и т р и о н .

О небо! Каждый шаг и каждое мгновенье
Мои страдания стремятся отягчить,
И я в моем недоуменье

Не знаю, правда где и что мне говорить

Н а в к р а т .

Все то, что он про вас нам рассказал подробно,
Настолько странно и темно,

Что прежде, чем вы все поймете, неудобно
Вам действовать и гневаться смешно.

А м ф и т р и о н .

Пусть так, вы можете мне оказать услугу
Нет, не случайно вас послало небо другу!
Посмотрим, впереди чего я должен ждать,
Проникнуть в тайну я и сам хочу, поверьте ..

Увы! Я жажду все узнать,
И правды я боюсь, как смерти!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и Ю п и т е р

Ю п и т е р

Кто здесь не чтит земных законов,
Как господин, стуча в мой дом?

А м ф и т р и о н

Что вижу, небеса!

Н а в к р а т . О, чудеса кругом

Не видим ли зараз мы двух Амфитрионов?

А м ф и т р и о н .

Моя душа потрясена

Надежды больше нет, и все понятным стало

И мне моя судьба ясна —

Все это зрелище сказало

Н а в к р а т.

Чем пристальней на них смотрю,

Ясней мне, что они во всем друг с другом сходны.

С о з и й.

Ах, господа, вам говорю..

(Указывая на Юпитера.)

Вот — истинный, а тот — обманщик, вор негодный.

П о л и д.

Да, пред таким чудесным сходством

В недоуменье я молчу.

А м ф и т р и о н .

Ужели верх возьмет обман над благородством?

Чтоб чары сокрушить, прибегну я к мечу!

(Обнажает меч.)

Н а в к р а т.

Постойте!

А м ф и т р и о н .

Прочь с пути!

Н а в к р а т.

Что делать вы хотите?

А м ф и т р и о н .

Отмстить обманщику за ложь мечом своим!

Ю п и т е р .

Напрасно в гневе вы волнуетесь, шумите:

Кто гневается так перед лицом событий,

Тот этим говорит, что правда не за ним.

С о з и й.

Конечно, это лжец, он знает заклинанья

И превращается совсем в других людей.

А м ф и т р и о н .

За это ты получишь в наказание,

Мерзавец, тысячу плетей.

С о з и й.

Мой господин, и храбрый и прекрасный,

За верных слуг своих заступится горой.

А м ф и т р и о н .

Пустите! Дайте мне насытить гнев ужасный.
В крови предателя я меч омою свой!

Н а в к р а т .

Нет, мы не можем вас пустить: мы не согласны,
Чтоб в бой Амфитрион вступил с самим собой.

А м ф и т р и о н .

Так вот заботитесь как о моей вы чести!
Мошенника друзья готовы защитить!
Не только не спешат со мной к единой мести,
Но даже мне они мешают отомстить.

Н а в к р а т .

Для нашей воли есть препона:
Принять решение мудрено.
Пред нами два Амфитриона,
И наше чувство смущено.
И, защищая вас с отвагою упорной,
Мы опасаемся, что вас обидим вдруг.
Что вы Амфитрион, согласны мы покорно,
Вы — славный вождь фивян, в вас — силы полный дух.
Но так же ведь и тот — Амфитрион, бесспорно,
И нам не разрешить, кто истинный из двух.
У нас давно готово мнение:
Предателя мы все готовы поразить,
Но сходство двух людей приводит нас в смущенье,
И, чтоб принять одно решение,
Мы не должны спешить.
Позвольте нам обдумать зрело,
В ком здесь обман и правда в ком.
Когда же разъяснится дело,
Мы сами будем знать, каким идти путем.

Ю п и т е р .

Конечно, правы вы: такое приключение

Не может не смутить и самый верный глаз.
Нисколько не сержусь на ваше я сомненье,
И, здраво думая, я извиняю вас.
Как капли две воды, так мы похожи оба,
И пользу может зло из этого извлечь.
Но, видите, во мне ведь не пылает злоба:
 Я не спешу свой меч извлечь,
Решать мечом вопрос довольно безуспешно,
Его решить хочу я способом другим.
 Один из нас Амфитрион, конечно,
И нас обоих вы считать готовы им.
Я постараюсь сам рассеять все сомненья
И ясно доказать, кто здесь Амфитрион,
Чтоб было явно всем мое происхожденье
И признавали все, я от кого рожден,
 И чтоб вопрос вполне был разъяснен.
Когда знатнейшие фивяне будут в сборе,
Раскрою вам всю правду я до дна.
 Так много важного есть в этом споре,
 Так истина сомнительна, на горе,
Что надо, чтобы всем была ясна она.
Алкмена от меня ждет этих объяснений,
Ее достоинство задето в этом. Я
Все должен объяснить как вам, так и Алкмене,
 И требует того любовь моя.
Вождам фивян я дам решенье всех сомнений,
Я все им расскажу, событий не тая.
Пока же, о друзья, в согласии и мире
Войдите в этот дом, где вас я долго ждал,
 И станем ликовать на пире,
 К которому вас Созий звал.

С о з и й.

Не ошибался я и праздную победу,
Спор окончательно решен:

Тот истинный Амфитрион,
Кто приглашает нас к обеду.

А м ф и т р и о н .
О небо! Как снесет все это разум мой?
Ужели слушать мне, как голосом лукавым
Обидами томит меня обманщик злой?
И вот, в то время как горю я гневом правым,
Мне руки держат за спиной!

Н а в к р а т .
Напрасно гневаться! Не надо торопиться!
Должно все скоро разъясниться,
Узнаем все, немножко подождав.
Где истина, мне неизвестно,
Но объясняет все он честно,
Как если б был он прав.

А м ф и т р и о н .
О слабые друзья! Ступайте, жалко льстите
Обманщику! Найду я и других.
Доверюсь всей душой их дружеской защите,
И вместе отстоим мы правду слов моих.

Ю п и т е р .
Прекрасно, я их жду. Сумею защититься
Во всем пред ними я.

А м ф и т р и о н .
Обманщик! Может быть, ты мыслишь тайно скрыться?
Но обретет тебя повсюду месть моя.

Ю п и т е р .
Ответом я не удостою
Угрозы, клеветы презрев,
Но после этот грозный гнев
Единым словом успокою.

А м ф и т р и о н .
Тебя я отыщу и в самой бездне ада,
И небеса тебя от мести не спасут.

Ю п и т е р .

Искать меня, поверь, не надо:
Увидят все, что я останусь тут.

А м ф и т р и о н .

Иду, бегу, пока он не ушел отсюда.
Помогут мне друзья исполнить месть мою.
Вернусь сюда — и будет чудо,
Когда его я не убью. *(Уходит.)*

Ю п и т е р .

Прошу, без всякого стеснения
Войдемте поскорее в дом.

Н а в к р а т .

Увы, такие приключения
Все ставят в голове вверх дном!

С о з и й .

Оставьте, господа, сомненья,
Садитесь дружно за столом.
Навкрат и Полид уходят.

Теперь попить и о былой победе
Порассказать всем не беда.
Добраться б только мне до снеди:
Так голоден я не был никогда.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Созий, Меркурий.

М е р к у р и й .

Остановись! Опять сюда суешь ты нос,
Бесстыдный кухонный проныра!

С о з и й .

Помилуй, не гневись!

М е р к у р и й . Ты здесь зачем — вопрос!

Тебе я поубавлю жира.

С о з и й.

Молю тебя: умерь угрозы,
Мой храбрый, благородный «я»,
И Созия помилуй, Созий!

Зачем ты хочешь бить сам самого себя?

М е р к у р и й .

А кто позволил имя это
Тебе по-прежнему принять?

Не помнишь, может быть, ты моего запрета
И хочешь, чтобы я тебя избил опять?

С о з и й.

Но этим именем могли б мы звать друг друга,
Амфитриону мы могли б служить вдвоем.
Как Созия меня признала вся округа.

Ты — Созий, я не спорю в том,
Признай и ты меня, не велика услуга!

Оставим двум Амфитрионам
От буйной ревности сгорать —
В их распре будет так легко нам,
Двум добрым Созиям, в довольстве утопать.

М е р к у р и й .

Довольно одного, а я ни в чем раздела
Не признаю и не люблю.

С о з и й .

Ты будешь старшим, младшим — я; всецело
Тебе я первородство уступлю.

М е р к у р и й .

Нет, с братом неудобств бывает много,
Единственным хочу быть сыном я.

С о з и й.

Как рассуждаешь ты безжалостно и строго!
Позволь хоть тенью быть твоей.

М е р к у р и й .

Нельзя.

С о з и й.

Смягчись хоть в чем-нибудь своей душой упорной
И потерпи, что буду я с тобой.
Я буду тенью скромной и покорной,
И будешь ты доволен мной.

М е р к у р и й .

Закон нельзя менять, оставь свои заботы.
А если ты войти захочешь в дом,
Я палкою с тобой покончу все расчеты.

С о з и й.

Ах, бедный Созий, до чего ты
Дошел в несчастьи своем!

М е р к у р и й .

Ты так и тянешься к ударам,
И снова ты себя тем именем назвал!

С о з и й.

Нет, не себя я называл,
О Созии другом я говорил, о старом:
Был Созий, тот, что мне родня,
Его с обеда раз прогнали беспощадно.

М е р к у р и й .

Смотри ты у меня,
Коль меж живыми быть тебе еще отратно!

С о з и й.

О, как бы я тебя исколотил,
Мерзавец истинный, будь только я смелее!

М е р к у р и й .

Что? Что?

С о з и й. Я ничего.

М е р к у р и й. Ты что-то говорил.

С о з и й.

А что? Я рыбины немее.

Меркурий .

Кого-то ты мерзавцем обругал,
И это я прекрасно
Расслыхал.

Созий .

То попугай кричал перед погодой ясной.

Меркурий .

Прощай! Когда тебе захочется хоть раз
Изведать палки — здесь живу я, ведай!
(Уходит.)

Созий (один).

О небеса! Когда мы в час обеда
Стоим за дверью, это горький час!
Что ж, уступи судьбы тяжелому закону
И прихотям ее без спора покорись.
Несчастный Созий! Возвратись
К несчастному Амфитриону!
Союз наш, видно, предрешен...
Вот господин идет, друзьями окружен.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Созий, Амфитрион, Аргатифонтид, Павзикл .

Амфитрион .

Здесь стойте, господа, и дальше не идите;
Когда ж настанет нужный миг,
На помощь мне спешите.

Павзикл .

Понятно нам, какой вас вдруг удар постиг.

Амфитрион .

Я мучаюсь, терзаюсь непрерывно,
Моя любовь мертва, и в униженье честь.

П а в з и к л .

Но если сходство то поистине так дивно,
Алкмене извиненье есть...

А м ф и т р и о н .

В делах подобных, господа,
Ошибка есть уж преступленье,
И целомудрие с ней гибнет навсегда.
В вопросах совести решает все мгновенье.
Что можно разумом простить,
Того любовь и честь простить не в состоянье.

А р г а т и ф о н т и д .

Об этом всем я не хочу судить,
Но ваших двух друзей мне нечем извинить,
От их поступка я пришел в негодование,
И люди честные должны мой гнев делить.
Когда наш друг нас об услуге просит,
Мы все — защитники его поправленных прав.
Да, Аргатифонтид друзей в беде не бросит!
Постыдно слушать речь, что держит к другу
враг:

Такие действия нам чести не приносят,
В подобный миг должны мы помнить лишь о мести.
Я словопрений не хочу.
В подобный миг, когда вопрос идет о чести,
Должны мы ввериться мечу, —
Пусть враг останется на месте!
Вы все увидите, и скоро,
Что Аргатифонтид тверд в замысле своем,
И вас прошу я об одном:
Позволить мне изменника и вора
Пронзить моим мечом!

А м ф и т р и о н .

Идемте!

С о з и й. Господин! Здесь жду, став на колени,
Я наказания, проступок мой кляня.
Секите, бейте — все приму без возражений
Убейте до смерти меня —
Вы правы будете, и ни полслова
Не пророню я против вас.

А м ф и т р и о н.
Встань! Что там?

С о з и й. Ах, обед там в этот час,
Меня же вытолкали снова!
Наестся я мечтал, шел, как на праздник, в дом,
Но как обманут был в надежде:
Меня там ждали с кулаком!
Там «я» другой, слуга другого «вас», как прежде,
Был сущим демоном во всем.
Ах, неужели вас не тронет,
Что нам двоим — судьба одна?
Мы ею сближены: она

Рассозила меня, вас — *разамфитрионит*.

А м ф и т р и о н.
Ну хорошо! За мной, к дверям!

С о з и й.
Не лучше ль подождать, не выйдет ли кто к нам?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Клеантида, Навкрат и Полид.

К л е а н т и д а.
О небо!

А м ф и т р и о н.
Что ж все испугались?
Скажи: откуда твой испуг?

К л е а н т и д а .

Да как же: в доме вы остались,
Но вот и здесь вы вдруг!

Н а в к р а т .

Постойте! Видите: сюда подходит кто-то,
Конечно, чтобы нам все тайны разъяснить,
И, если только он нас сможет убедить,
Спадут у нас с души сомненья и забота.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е и Меркурий .

М е р к у р и й .

Да, я открою все. Чтоб не было сомнений,
Скажу вперед, что царь богов
Под этим образом, любезным вам, к Алкмене
Сходил с высоких облаков.

Что до меня, кто вам приносит весть, —
Меркурий я. Я здесь того побил немного,
Чей облик принял я. Теперь возможность есть
Ему утешиться: удары бога
Приносят не бесчестие, но честь.

С о з и й .

Ах, господин мой бог! Я ваш слуга, известно,
Но, право, мог бы и без тумачков прожить.

М е р к у р и й .

Быть снова Созием он может повсеместно,
А я устал такой постыдный лик носить,
Лечу на небо, чтоб амброзией небесной
Свой образ до конца омыть.
(Улетает на небо.)

С о з и й.

Забыл бы ты меня навек в своей отчизне!
Воистину со мной ты слишком был суров —
Я не встречал ни разу в жизни
Такого черта меж богов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е и Юпитер.

Ю п и т е р (*в облаке*).

Смотри, Амфитрион: вот заместитель твой!
В своих чертах признай Юпитера. Явился
Я с громом, чтоб ты знал, кто здесь перед тобой.
Довольно этого, чтоб ты душой смирился,
Чтоб снова ты обрел и счастье и покой.
То имя, что весь мир, робея, произносит,
Рассеет здесь все клеветы и ложь:
С Юпитером дележ
Бесчестья не приносит.
Познав теперь, что твой соперник — бог богов,
Гордиться можешь ты и звать себя счастливым.
Здесь места нет для горьких слов,
Не ты, а я теперь готов,
Хоть в небе я царю, признать себя ревнивым.
Алкмена вся твоя, супружескую честь
Она хранит от недруга и друга.
Чтоб ей понравиться, одна дорога есть:
Предстать ей в образе супруга.
Ты можешь ликовать, что сам Юпитер, я,
Не победил ее, со славой всей моею;
Все, что даровано мне ею,
Она в своей душе таила для тебя.

С о з и й.

Умеет бог богов позолотить пилюли!

Ю п и т е р .

Хочу, чтоб след забот в твоей душе исчез,
Чтоб все сомнения в тебе навек уснули.
Родится у тебя сын славный, Геркулес,
Наполнит славою он все концы вселенной.
Великие дары Фортуны неизменной
Отныне явят всем: любимец ты небес.

Заставлю во вселенной целой
Я всех завидовать тебе,
И ты дивиться можешь смело
Своей невиданной судьбе.
В том сомневаться — преступленье:
То, что Юпитер говорит,
Есть рока высшего решенье.

(Скрывается.)

Н а в к р а т .

Я восхищен всем тем, что вам судьба сулит...

С о з и й .

Позвольте, господа, свое сказать вам мненье.

Не лучше ли поудержать
Все эти поздравленья?

С них неудобно начинать.

И, правду говоря, все ваши восхищенья,

Так или эдак, не под стать.

Великий бог богов был добр к нам беспримерно,

И честь нам оказал Олимпа властелин.

Он обещает нам наверно,

Что будем взысканы богатством мы безмерно

И что родится здесь, у нас, великий сын.

Что лучше обещания такого?

Но кончим речи, господа,

И разойдемся все под сень родного крова.

О всем подобном иногда

Умней не говорить ни слова.